

В. Виргинский

ЖИЛЬБЕР РОММ

(ИСТОРИЯ ОДНОГО
ЯКОБИНЦА)

1

Сто сорок с лишком лет назад, 17 июня 1795 года, или, как тогда выражались, 29 прериала III года французской республики, закончил свою жизнь и борьбу за якобинскую республику один из последних монпаньяров — Жильбер Ромм.

Он родился в 1750 году в овернском городе Риоме. В то время Риом славился обилием судебно-административных учреждений и религиозных учебных заведений. Особенным влиянием пользовалась в Риоме религиозная конгрегация (общество) ораторианцев, которым принадлежали лучшие школы. Отец Жильбера был судейским чиновником. Он рано умер, оставив свою жену с пятью детьми почти без средств. Дети не смогли бы получить никакого образования, если бы их выдающиеся способности не обратили на себя внимания церковников.

Первым учителем Жильбера был один каноник Сент-Амабльского монастыря. Затем мальчик поступил в лучшую ораторианскую школу. Но он не чувствовал ни малейшего призвания к духовной карьере. Единственным его стремлением было продолжение научных занятий в столице.

Блестяще окончив риомскую школу, он взял несколько рекомендаций от местных научных и литературных деятелей к их парижским знакомым и в конце 1774 года отправился в Париж без всяких средств, но с твердым намерением стать ученым.

В эти годы он был еще далек от мысли о насильственном и несправедливом существующем режиме. Вместе

со многими другими просветителями он верил в «Разум» и «Добродетель» с большой буквы, верил в то, что распространение наук способно перестроить мир.

В этой философии было много наивности, нелепой веры в добрую волю «просвещенных монархов», поисков очищенного, разумного божества, совместимого с наукой, и т. д.

«Самообразование — это моя единственная цель, единственная страсть, — писал Ромм в это время. — Все современные открытия имеют право на мой интерес, и я с энтузиазмом занимаюсь ими. Универсальность — это моя слабость».

Материальное положение Ромма было крайне тяжелым: он кое-как перебивался частным репетиторством. Однако вскоре математик Дюпон рекомендовал этого талантливого и широко образованного молодого человека русскому аристократу, графу Головкину.

Внешность Ромма совсем не соответствовала привычному облику гувернера в аристократическом доме.

Невысокий, неуклюжий, с некрасивым плебейским лицом, близорукими запавшими глазами, с бледножелтым цветом лица, свидетельствующим о многолетнем недоедании и переутомлении, — таков был внешне молодой ученый. К тому же он говорил глухо, некрасноречиво, с провинциальным акцентом. Однако то, что высказывал этот неказистый и застенчивый овернец, свидетельствовало о столь широком образовании, что вскоре воспитатель графа Головкина приобрел известность в аристократических салонах. Научные работы Ромма, за которые он взялся с еще большей энергией, после того как Головкин избавил его от заботы о хлебе, обращали на него внимание видных ученых того времени: Сажа (противника школы Лавуазье), Розье и др.

В доме Головкина Ромм часто встречался с племянником хозяина, графом Строгановым. Предки Строганова были крупнейшими деятелями периода раннего российского первоначального накопления (XV век). Петр I

возвел Строгановых в баронское достоинство; в 1761 году Строганов купил титул графа Римской империи. Потомки купцов-колонизаторов окончательно вошли в ряды международной аристократии.

Граф Строганов пригласил молодого ученого воспитателем к своему 8-летнему сыну Павлу.

В конце 1778 года семейство Строгановых переехало в Петербург.

Ромм, наивный приверженец учения о «просвещенном абсолютизме», дал себя уверить в том, что царствование Екатерины соответствует этому идеалу.

Вращаясь исключительно в кругу правящего класса, точнее, среди самой привилегированной прослойки последнего, он думал, что и народ так же предан «матушке-царице», как высшая аристократия.

В этом еще раз проявился глубочайший идеализм Ромма, не оставивший и впоследствии будущего мелкобуржуазного революционера.

2

Молодому «прооветителю» пришлось столкнуться с самым пренебрежительным отношением со стороны светских бездельников. В одном из писем Ромм с негодованием писал о «бесчестии, которым в этой стране покрыты гувернеры», и о «тех лицах, которые испытывают отвращение, дыша одним воздухом с учителем».

Несмотря на это Ромм со всем пылом взялся за воспитание своего ученика. Как приверженец просветительной философии он был уверен, что достаточно убедить воспитанника в превосходстве добра над злом посредством чтения нравоучительных романов о добродетельных героях древности, чтобы он переродился. Интересно, что Ромм пытался Павлу, сыну крупнейшего рабовладельца, находящемуся непрерывно в окружении подобострастной дворни, внушить любовь к свободе... рекомендуя ему отпускать на волю птиц! Нельзя сказать, что систематические и интересные занятия, проводимые Роммом, остались без последствий. Юный Строганов заинтересовался многими просветительскими идеями, так горячо исповедываемыми Роммом, но этот

интерес был поверхностным: ему не суждено было выдержать первого же испытания при столкновении с жизнью.

Ромм также не оставил научной работы: он быстро познакомился с видными учеными петербургской Академии наук.

Вместе со своим воспитателем Ромм совершил несколько поездок по России. Первая поездка охватывала Уральскую область и Сибирь, вторая — Северный край и Олонецкую губернию, третья — центральные губернии и Поволжье. Наконец, последнее путешествие было посвящено осмотру «Малороссии», как именовалась тогда Украина, а также недавно присоединенной «Тавриды» (Крыма). Ромм имел возможность изучать быт крепостнической империи уже не из окон петербургского особняка Строгановых, а на месте.

Тяжелое положение народа произвело сильное впечатление на Ромма. «Вокруг Олонца, на пространстве 35—40 верст, мне называли 164 деревни, где крестьяне покупают хлеб для еды», — пишет он в одном письме. Полицейские власти старались «обработывать» население к приезду графско-

Постепенно прекраснородушный и наивный сторонник просветительской философии, освобождавший птицек и мечтавший об античной добродетели, превращался в революционера, стремящегося к освобождению народов и к насаждению добродетели и разума любыми средствами. Разумеется, этот процесс не был гладким и быстрым. До самой смерти Ромм сохранял много черт идеализма, чрезмерной доверчивости, доходившей до соглашательства, и т. д.

то сына, и путешественников встречали со всяческими почестями. Эта комедия возмущает Ромма, и в письмах к Строганову-отцу он протестует против подобных встреч. Однако все это было лишь первыми робкими высказываниями. В основном Ромм интересовался не народом, а климатом, почвой, промышленностью посещаемых губерний.

Но путешествия Ромма по России не прошли даром для будущего революционера: они сыграли свою роль в формировании его общественных взглядов.

3

В 1786 году Ромм, уже давно просящий у графа разрешения съездить на родину, вместе с Павлом выехал во Францию. Посетив родину Ромма, они выехали в Швейцарию и находились там вплоть до 1789 года. Здесь они посещали лекции крупнейших швейцарских ученых: Лафатера, Пикте, Тенгри и др.; осматривали мануфактуры, заводы и т. д.

В начале 1789 года Ромм и его воспитанник отправились через Ливон, где они по пути познакомились с шотландской промышленностью, в Париж. В столицу Франции они прибыли накануне открытия Генеральных штатов.

Еще в апреле 1789 года Ромм писал матери: «Мы не государственные деятели, и нам нечего делать в национальных собраниях». Через несколько месяцев он был не только постоянным посетителем Национального собрания и Бретонского клуба, но и стремился сделать своего воспитанника столь же горячим сторонником этих организаций. Семнадцатилетний наследник несметного богатства Строгановых, уже зачисленный в адъютанты князя Потемкина, переименовал свою громкую фамилию на имя Очер (по названию уральского Очерского завода Строгановых), а 7 августа 1790 года, вслед за своим воспитателем, получил членский билет (как тогда говорили, диплом) общества Друзей конституции, иначе Якобинского клуба.

Еще до этого Ромм основал свой собственный клуб «Друзей закона» главной задачей которого была борьба за свободу печати.

Доказательством того, что в это время Ромм сохранял еще солидные запасы своего прекраснородушия, является его дружеская откровенность со Строгановым-отцом насчет всех деталей парижского времяпрепровождения. Он посылал Строганову революционную литературу в твердой уверенности, что русский барин разделит его восторг от уничтожения дворянских привилегий во Франции.

Обеспокоенный граф попросил Ромма покинуть Париж. Но Ромм остался. Между тем петербургское правительство посмотрело на дело серьезнее. Нужно заметить, что события французской революции были встречены Екатериной II с бешеной ненавистью. Летом 1790 года Екатерина получила донесение от посла в Париже И. М. Симолина о похождениях

графа Павла Александровича Строганова у «якобенов» (т. е. якобинцев). Резолюция разгневанной царицы так характерна, что мы воспроизводим ее буквально.

«Читая вчерашние реляции (от 16 июля 1790 г. — В. В.) Симолина из Парижа... о российских подданных, за нужное нахожу сказать, чтобы оные непременно читаны были в Совете сего дня и чтобы генералу Брюсу (петербургскому прадоначальнику. — В. В.) поручено было сказать графу Строганову, что учитель его сына, Ромм, сего человека молодого, ему порученного, вводит в клуб Якобенов и Пропаганда учрежденный для взбунтования везде народов противу власти и властей, чтобы он, Строганов, сына своего из таковых зловердных рук высвободил, ибо он, Граф Брюс, того Ромма в Петербург не выпустит»¹.

Ромм, еще не зная о резолюции царицы, решил добровольно уехать в провинцию, чтобы только не расста-

¹ См. приложение к работе Н. М. Романова «Граф П. А. Строганов». Ч. 1-я, стр. 70—71. СПб. 1903.

ваться с Павлом. Суровый, аскетический человек, не имевший ни семьи, ни друзей, привязался к воспитаннику как к сыну. С тяжелой душевной борьбой он оставил Якобинский клуб, свой клуб «Друзей закона» и переехал в родную Овернь. Оделавшись к этому времени убежденными врагами церковников (хотя еще не атеистами), Ромм и Очер бросают вызов современному обществу, похоронив своего старого друга — слугу Клемана — по гражданскому обряду. Парижские якобинцы заинтересовались гражданскими похоронами, дали о них отчеты в газетах, ставя поведение Ромма и Очера в пример всем, кто еще не освободился от католических суеверий.

Посол Симолин снова донес обо всем в Петербург. Но, прежде чем это донесение пришло в Россию, граф Строганов, получивший жестокий нагоняй от правительства, уже потребовал от Ромма возвращения сына. За Подем Очером был послан племянник Строганова Новосильцев, прибывший во Францию в конце 1790 года.

Ромм сильно горевал. Целая полоса его жизни закончилась. Просвети-

тельные идеи, гласящие, что воспитание способно переродить человека, потерпели окончательный крах. Поль Очер не пожелал отказаться от своего положения в свете ради революционной деятельности.

4

В это время революция переживала тяжелые дни. «Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы... начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу... без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неизменно одерживал бы победу над буржуазией...»¹.

Но испуганная развертывающимся революционным движением буржуазия явно перешла на сторону контрреволюции. Крестьянские и солдатские восстания подавлялись со страшной жестокостью. Роялисты открыто организовывали заговоры. Иностранные дворы готовили интервенцию.

Ответом народа на наступление контрреволюции была организация сети революционных обществ по всей стране.

Ромм вступил в Народное общество города Риома и скоро приобрел глубокое доверие местных «патриотов». Даже злейшие враги отмечали его бескорыстие, неподкупность и глубокую преданность идее. Вместе с тем он не бросал и своих научных занятий. Следует подчеркнуть, что он выступил против аполитичности естественных наук. «Французский естествовед обязан быть патриотом, всякий естествовед должен признавать Декларацию прав человека и гражданина», — писал он. В это время Ромм подружился с убежденным якобинцем Субрани, которого знал еще до отъезда в Россию. В сентябре 1791 года Ромм и Субрани были избраны делегатами от департамента Пюи-де-Дом в Законодательное собрание, которое пришло на смену Учредительному.

В Законодательном собрании Ромм примкнул к левой. С этого времени он связал свою судьбу с якобинцами.

Однако порой он обнаруживал колебания, которые вытекали из его прежних убеждений. Так например, когда в начале 1792 года в Нуайонском округе, недалеко от Парижа, вспыхнуло голодное восстание против Законодательного собрания, Ромм был послан в числе других депутатов, чтобы уговорить народ не бунтовать. Депутаты не знали, что за ними следуют два батальона пехоты. Ромм произнес с порячностью, заслуживавшей лучшего применения, панегирик частной собственности и заклинал полудные массы во имя добродетели не грабить чужие хлебные запасы. На этот раз речи Ромма были встречены с презрительным безразличием. Депутация вернулась в Париж, а прибывшие в Нуайон войска потопили восстание в крови. Ромм с негодованием упрекал военного министра в жестокости, но, разумеется, это ни к чему не привело.

Больше всего Ромм был занят в Комитете народного образования, где он разрабатывал проекты новой системы образования, поощрял ученых, художников и т. д.

21 сентября 1792 года открылся Национальный Конвент. Ромм и Субрани были единогласно переизбраны в члены Конвента; где они работали в первых рядах монтаньяров.

В ноябре 1792 года монтаньяры поставили вопрос о предании суду бывшего короля Людовика Капета за измену родине. В январе 1793 года он был осужден. Вызванный во время поминного опроса депутатов по вопросу о наказании для предателя своего народа, бывший поклонник «просвещенного абсолютизма», не колеблясь, оказал: «Закон карает всех виновных без исключения, я вижу в Людовике лишь великого преступника. Прошу, чтобы его приговорили к смерти. Единственно лишь это наказание способно искупить его преступление».

Ответы всех депутатов были напечатаны в газетах и приобрели широкую известность. В глазах мировой контрреволюции Жильбер Ромм в числе 387 депутатов, голосовавших за «смерть», стал отныне «цареубийцей», поставленным вне закона. Строганову-отцу пришлось пережить немало неприятных минут. Строганов-сын, иначе говоря «якобинец Очер», по

¹ Ф. Энгельс «Письмо к Каутскому от 1889 г.», «Историк-марксист» № 2, стр. 42. 1933.

приказу Екатерины, находилась под надзором в подмосковном поместье Братцове

6

Еще в Законодательном собрании Ромм работал в Комитете по вопросам народного образования. В Конвенте эти вопросы занимали его в первую очередь. Мы знаем, что вопреки клевете реакционных историков Конвент (особенно якобинский Конвент) уделял огромное внимание развитию науки, искусства и техники. Ромм был одним из самых энергичных проводников этой политики. Так например 1 апреля 1793 года по докладу Ромма Конвент организовал опыты с первым оптическим телеграфом Клода Шапна,¹ передающим известия при помощи световых сигналов.

Особенный интерес представляют работы Ромма в области создания нового революционного календаря. Ромм и его единомышленники негодовали против того, что летоисчисление начинается с какого-то «рождества Христова», что начало года не совпадает ни с каким важным астрономическим явлением, что названия месяцев и дней связаны с языческими богами или древними царями (июль — от Юлия Цезаря, август — от императора Августа, март — от бога Марса и т. д.).

20 сентября комиссия в составе Ромма и видных ученых, перешедших на сторону революции: Лагранжа, Монжа, Лаланда и др. — внесла проект нового календаря. По этому проекту летоисчисление начиналось с провозглашения республики Конвентом, 22 сентября 1792 года. По счастливому совпадению этот день был днем осеннего равноденствия, так что и с астрономической точки зрения начало каждого года 22 сентября себя оправдывало. В месяце было тридцать

дней, или три декады. 5 и 6 последних дней в году не входили ни в один месяц, считались дополнительными и назывались санкюлотидами. Ромм предложил обозначать дни, декады и месяцы порядковыми номерами. 22 сентября 1793 года обозначалось как «1-й день 1-й декады 1-го месяца 2-го года Республики». Проект комиссии был в основном принят. Однако сложные и невыразительные обозначения месяца были заменены более яркими. Поэт-якобинец Фабр д'Эглантин придумал новые названия для месяцев, указанные в прилагаемой таблице.

Соотношение республиканского календаря с общепринятым (грегорианским).

II год Республики, единой и неделимой.

Вандемьер (месяц сбора винограда) 22 сентября—21 октября 1793 года.

Брюмер (месяц туманов) 22 октября—20 ноября.

Фример (месяц заморозков) 21 ноября — 20 декабря.

Нивоз (месяц снегов) 21 декабря 1793—12 января 1794 года.

Пловиз (месяц дождей) 20 января — 18 февраля.

Вантоз (месяц ветров) 19 февраля — 20 марта.

Жерминаль (месяц прорастания) 21 марта — 19 апреля.

Флореаль (месяц цветов) 20 апреля — 19 мая.

¹ Клод Шапн (1763—1806), физик-изобретатель, впервые предложивший систему устройства оптического телеграфа (напоминающую наши семафоры), посредством которого можно было как днем, так и ночью передавать условные сигналы. Каждая приемная станция, наблюдая эти сигналы, передавала их дальше. Оптический телеграф нашел применение во всей Европе и играл огромную роль вплоть до появления электрического телеграфа в XIX веке.

Прериаль (месяц лутов) 20 мая—18 июня.

Мессидор (месяц жатвы) 19 июня—18 июля.

Термидор (месяц жары) 19 июля—17 августа.

Фрюктидор (месяц плодов) 18 августа — 16 сентября.

Дополнительные дни санкюлотиды
Праздник добродетели — 17 сентября 1794 года.

Праздник гения — 18 сентября.

Праздник труда — 19 сентября.

Праздник убежденности — 20 сентября.

Праздник вознаграждения — 21 сентября.

Каждый месяц содержал 30 дней, обозначавшихся порядковыми номерами от 1 до 30, но кроме того каждому дню соответствовало какое-нибудь сельскохозяйственное или промышленное название вместо прежнего имени святого. Например: 1 нивоза было днем торфа, 2 нивоза — днем каменного угля, 3 — днем нефти, 4 — днем серы, 9 — днем селитры, 23 — днем железа, 29 — днем ртути, 1 флореаля — днем розы, 2 — днем дуба, 15 — днем шелковичного червя и т. д.

Календарь вступил в силу с октября 1793 года (Брюмер 2-го года Республики).

Ангицерковная заостренность нового календаря была сразу всем понятна. Аббат Грегуар возмущенно спрашивал Ромма: «Да на что он нужен, этот календарь?», «Чтобы уничтожить воскресенье», — ответил «неблагодарный» воспитанник монахов.

Пока в Конвенте шло обсуждение нового календаря, Ромм разрабатывал обширный план реформы образования. 20 октября 1793 года он выступил с проектом создания сети начальных школ, чисто светских, куда не помели бы сунуться ни ораторианцы, ни иезуиты, комплектуемых на основе всеобщего обязательного образования, безотносительно к имущественному положению детей. «Нужно покончить с самостоятельными школьными организациями, — говорил он, отлично зная, что эти организации всегда попадают в руки церковников, — покончить с частным образованием и правами отцов семейств. Одна лишь республика

будет бесплатно распространять знания».

Одновременно Ромм готовил к печати «Ежегодник земледельца», новый календарь, где на каждый день, вместо справок о святых и праздниках, сообщались ценные научно-технические сведения о земледелии и побочных сельских промыслах. В составлении «Ежегодника» принимал участие ряд крупных ученых-естествоиспытателей.

После майско-июньских дней 1793 года наступила эпоха якобинской диктатуры. «Материальное, производственное обновление Франции, в конце XVIII века, — писал Ленин, — было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею), с беспощадной войной, объявленной всему реакционному. Весь народ и в особенности массы, т. е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну все считали справедливой, оборонительной и она была на деле таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы»¹.

Жирондисты, частично бежавшие из-под надзора, частично находившиеся в провинции, соединились с роялистами и подняли контрреволюционные восстания. Якобинский Конвент мобилизовал все свои силы и посылал на наиболее опасные участки фронта своих верных сторонников. Ромм был в их числе. Вместе с другими комиссарами он был направлен в шербургскую армию (северное побережье), где в это время образовалось гнездо жирондистов (Петион, Бюзо и др.). Ромм и Приер из Кот-д'Ора были схвачены жирондистами в качестве заложников и посажены в Канскую тюрьму. Письмо генерала Вимпфена, извещавшее Конвент об этом аресте, вызвало в Конвенте бурю негодования. «Неправда! — воскликнул якобинец Камбон на заседании 12 июня 1793 года, —

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 190.

Ромм будет свободен, хотя бы его охраняли все пушки Европы»¹.

И действительно, вскоре армия жирондистов была разбита. Депутаты Конвента вышли из тюрьмы после 50-дневного заключения. Их встречали с военными почестями.

1 фримера (21 ноября) Ромм был избран в порядке очереди председателем Конвента.

Между тем положение на фронте продолжало быть угрожающим. Революционными армиям не хватало оружия и прежде всего пушек. В пловиозе 2-го года Республики (начало 1793 года) Комитет общественного спасения, уверенный в широчайшей поддержке революционной демократии, выдвинул грандиозный проект планового производства артиллерийских орудий для отражения нападений внешнего врага.

Французская территория была разделена на 4 области. Каждая подчинялась специальному депутату Конвента, снабженному диктаторскими полномочиями.

Одним из четырех комиссаров был Жильбер Ромм. 5 вантоза (24 февраля 1794 года) он прибыл на место назначения вместе со своими помощниками: инженерами Жилле-Ломоном и Ламаттом. В сферу их деятельности входила югозападная часть Франции: департаменты Дордони, Шаранты и т. д. Крупнейшим предприятием района были чугунолитейные заводы в Рюэли, до революции принадлежавшие влиятельной компании Крезо, 4 прериаля (23 мая) Ромм издал общий де-

крет, формулирующий сущность его политики.

«Вся Франция представляет из себя единую обширную мастерскую, где каждый работает для республики, — писал он. — Ваш боевой пост, свободные граждане Дордони и соседних департаментов, расположен на пашнях, на заводах, в лесах, возле горнов, вы составляете внутреннюю армию, которая должна кормить, одевать, вооружать наши легионы на границах». При осуществлении этого декрета Ромму пришлось столкнуться с сильнейшим сопротивлением, особенно со стороны местной буржуазии.

Для мобилизованных на работу литейщиков, угольщиков и т. д. был установлен более высокий паек чем в других районах. У населения реквизировали свиней и распределяли мясо среди рабочих. Для снабжения рабочих хлебом и овощами использовались прежде всего запасы, реквизированные у эмигрантов и других врагов революции, а затем устраивались сборы жертвований и среди остальных граждан. Ромм предписал местным властям принять на себя заботу о снабжении семей мобилизованных рабочих, об образовании их детей, о возделке их полей и огородов общинными средствами и т. д. Наконец, он устраивал еженедельные собрания рабочих с культурно-образовательными целями.

К мессидору-термидору 2-го года (июль 1794 года) Ромм построил и пустил в дело новый завод артиллерийских орудий с 16 отражательными печами и возобновил и усилил производство на чугунолитейных заводах, находившихся до этого в упадке. Об-

¹ M. de Vissac «Romme le Montagnard», pp. 178—179. Paris. 1883.

щее производство чугуна в районе достигло около 8 тысяч тонн. Это количество не только удовлетворило запросы местных оружейных заводов, но шло также на заводы и в другие районы.

7

В августе 1794 года до Рюэли дошли вести о падении и казни Робеспьера и его товарищей и о начале термидорианской реакции. Ромм не был безоговорочным сторонником Робеспьера. Он не мог простить казни самых левых, атеистически настроенных революционеров: Эбера, Леклерка, Шометта и других, со многими из которых он был связан дружбой и общностью убеждений, но, услышав о разворачивающейся реакции, Ромм, опасавшийся за судьбу революции, немедленно вернулся в Париж. Действительность превзошла его мрачные ожидания.

Революционный Париж превратился в Париж новых богачей. В золоченых экипажах по улицам раз'езжали откормленные спекулянты и поставщики, нажившиеся на голоде и на крови защитников республики. Толпами рас-

хаживали буржуазные сынки, «мюскадены», в пышных и пестрых костюмах, с тяжелыми дубинками в руках. Идейным главой этих франтов-громил был перебежчик от левых якобинцев журналист Фрерон.

После нескольких уступок якобинскому меньшинству реакционное большинство Конвента, к тому же усиленное вернувшимися жирондистами, вступило с ним в борьбу. Обезглавленный остаток Горы, так называемая «Вершина», после закрытия клубов и революционных комитетов плелся в хвосте за событиями, довольствуясь словесной борьбой с реакционным термидорианским большинством. Ромм, выбранный докладчиком по делу якобинца-террориста Каррье, сперва пытался было его защищать, но под давлением большинства в конце концов признал его подлежащим суду.

Между тем по всей стране господствовал белый террор. Парижские рабочие и ремесленники, травимые «мюскаденами» и полицией, замканные в подполье, массами увольняемые из государственных предприятий, терпели жестокую нужду. «Вершина» была неспособна ни организовать выступления

народных масс, ни руководить ими. Демонстрация 12 жерминаля была сорвана самими монтаньярами. Крупнейшие из них после этого были сосланы (Бильо-Варенн, Колло д'Эрбуа) или заключены в тюрьму. 26 флореала (16 мая 1798 года) хлебный паек был снижен до $\frac{1}{8}$ фунта на человека.

Но предместья готовились уже к самостоятельному выступлению.

1 прериналя (20 мая) голодающие массы сделали отчаянную попытку добиться хлеба и политических прав: огромная демонстрация подошла к Конвенту, высадила двери и ворвалась в зал с криками: «Хлеба и конституцию 93 года!» Власть термидорианцев была под угрозой. Между тем монтаньяры настолько оторвались от политической жизни предместий, что для них восстание явилось неожиданностью. Ромм и Субрани были у себя дома, когда звуки набата и шум толпы заставили их броситься к Конвенту и пробраться на свои места. Последние монтаньяры буквально потерялись перед лицом восставших масс. Они колебались между стремлением использовать захват Конвента демонстрантами

для восстановления политики прежнего, якобинского Конвента и попытками успокоить, уговорить массы.

Здесь вновь и вновь — на этот раз с трагическими для них результатами — оказалась их натура мелкобуржуазных революционеров, не умевших перешагнуть через фетиш неприкосновенности Конвента несмотря на то, что Конвент стал гнездом реакции. А драгоценное время уходило в бездействии. В течение шести часов народ бушевал в стенах Конвента, требуя хлеба и восстановления своих прав. В течение шести часов термидорианцы — представители новой, коварной и ловкой буржуазии, прошедшей через революционные испытания и научившейся великолепно изворачиваться, — сидели на своих местах, не прерывая заседания, так как понимали, что перед лицом народной ярости всякое движение и выступление заставило бы их разделить судьбу депутата Феро, убитого толпой, которую он пытался задержать. Сменявшие друг друга на председательском кресле Верньо, Андре Дюмон и Буанси д'Англа (прозванный «Голодом») умышленно затягивали заседание, ожидая прихода вызван-

ных войск и мобилизованных на этот случай банд «мюскаденов».

Было уже 9 часов, когда Ромм решился взойти на трибуну. Поддержанный Дюруа, он предложил освободить всех арестованных патриотов, производить выпечку односортного хлеба, воспретив кондитерам ввиду голода изготовление пирожных и тортов, произвести реквизицию припрятанной муки, созвать парижские секции, объявить их заседания перманентными (непрерывными), выбрать по секциям продкомиссаров. Бурботт предложил арестовать продажных контрреволюционных писак. Гужон и Дюкенуа потребовали отставки реакционных правительственных комитетов и выбора чрезвычайной комиссии. Внесено было предложение об отмене смертной казни (закон этот не распространялся на эмигрантов и поддельвателей ассигнаций).

Предложения вызвали шумные одобрения народной массы. Термидорианцы притворно соглашались на все, голосуя поднятием шляп. Этой мнимой покладистостью удалось усыпить недоверие демонстрантов. Избрана была чрезвычайная комиссия из 4 лиц (Дюкстауа, Приера с Марны, Дюруа и Бурботта) для осуществления принятых декретов. Вернье и Буасси д'Англа удалось протянуть заседание до полуночи, когда демонстранты были разогнаны штыками подоспевших отрядов. Термидорианцы, не прерывая заседания, немедленно начали расправу. Только что принятые декреты были объявлены вынужденными и отменены. Вся ярость термидорианцев, которые 8 часов трепетали и унижались перед классовыми врагами, думая, что вернулся 2-й год республики, обратилась против Ромма и его товарищей. «Смерть убийцам, кровопийцам, агентам тирании!» — раздавались бешеные крики. Монтаньяры пытались что-то сказать, но дикий рев заглушил их слова. Немедленно было вынесено решение об их аресте.

Монтаньяров силой вытаскивали с их скамей и тащили к барьеру. Ромм, Субрани, Дюруа, Гужон, Бурботт и Дюкенуа были посажены в госпитальные фуры и увезены из Парижа. Термидорианцы все еще боялись, что

предместья могут восстать для освобождения арестованных.

Перед отъездом Ромм написал жене письмо: «Дорогой друг, Национальный Конвент издал приказ о моем аресте. Заклинаю тебя, во имя любимой тобой родины, во имя равенства, ценить которое вместе со мной я тебя научил, во имя ребенка, которого ты носишь в себе, не предаваться бесположеству. Помни каждую минуту, что ты отвечаешь перед ребенком, и, что бы ни произошло с тем, кто связал свою судьбу с твоей, пусть ребенок воспримет от тебя принципы чистейшей морали и откровеннейшего республиканства. Прощай. Прошу тебя написать матери».

8

Монтаньяров привезли в замок Торо, на мысе Финистер, недалеко от Кана (где Ромм сидел в плену у жирондистов два года тому назад). Здесь заключенные провели шесть дней. Все держались бодро. Они беседовали, писали письма родным. Гужон сочинял «Гимн узников замка Торо». На шестой день комендант сообщил, что их отвезут в Париж на суд военной комиссии.

Поняв, что смертный приговор неизбежен, заключенные собрались у Ромма и решили не отдаваться в руки палачу и покончить с собой. У всех шестерых имелось лишь два ножа, но это не остановило обреченных монтаньяров. 22 прериала (8 июня 1795 года) их привезли в Париж и заперли в тюрьму. Военная комиссия посылала на пилотину десятки действительных и мнимых участников прериальского восстания. Суд военной комиссии продолжался 5 дней. Допрос велся публично: зал был полон буржуа, «мюскаденами», уличными девицами и всяким сбродом, лакействующим перед новыми богачами. На твердые, четкие ответы Ромма и его друзей зал отвечал насмешками и ругательствами. Ромм разоблачил провокационное поведение буржуазного большинства Конвента в день 1 прериала и позорные махинации реакционеров. Заключительное слово, представленное Роммом в письменном виде, кончалось следующими словами:

«Я исполнил свой долг, мое тело

принадлежит закону, душа же остается независимой и незапятнанной. Мой последний вздох... будет за республику, единую и неделимую, за родину, так жестоко истязаемую, которой я служил верой и правдой, за несчастный и угнетенный люд, который оставляют на произвол судьбы и отталкивают...»

29 прериаля (17 июня) монтаньяров привели в судебный зал для сообщения приговора по обвинению их как «зачинщиков, виновников и соучастников мятежа 4 прериаля и следующих дней против национального представительства и французской республики». Военная комиссия приговорила всех шестерых к смертной казни. Осужденных повели на двор.

Зал суда помещался на втором этаже, недалеко от его дверей начиналась крутая лестница к выходу на улицу. Спустившись на несколько ступеней, Жильбер Ромм выхватил спрятанный нож и вонзил его себе в грудь. Нож скользнул, страшно поранив шею и лицо Ромма, но последним усилием он погрузил его в грудь до самого сердца. Окровавленное тело скатилось по лестнице, головой вниз. Жандармы остолбенели и на минуту растерялись. В этот миг Субрани, вытащив нож из раны друга, нанес себе сильный удар в левый бок и упал рядом с Роммом, успев передать нож Гужону. В то же время Дюкенуа вонзил в грудь другой нож, а Дюруа — половину ножниц. Бурботт вырвал оружие из рук Дюкенуа и ударил себя одновременно с Гужоном. Жандармы опомнились только тогда, когда все шестеро лежали на лестнице мертвые или тяжело раненые, заливая кровью все вокруг.

В зале суда, куда бросились испуганные жандармы, эта весть произвела сильнейшее впечатление. Командир конвоя был арестован. Врач, прибывший на место происшествия, установил, что Ромм, Гужон и Дюкенуа умерли. Субрани и Бурботт в ужасном виде, со вскрытыми внутренностями, агонизировали. Дюруа был только ранен. Субрани и Бурботта вынесли на руках и положили на повозку. Дюруа сел сам, и процессия тронулась. В два часа дня всем трем отрубили головы.

Так погибли последние монтаньяры Конвента, не примирившись с буржуазной реакцией.

Но рабочий и ремесленный Париж предместий, Париж «несчастных и угнетенных», не мог примириться с мыслью о гибели неподкупного «депутата от Пью-де-Дома», и после его смерти начала расти и шириться легенда о чуде спасшемся монтаньяре. Перед тем как нанести себе удар, гласила легенда, Ромм выпил опиум; врач ошибся, приняв глубокий обморок за смерть. Друзья похитили тело Ромма с кладбища и привели его в чувство. И тогда Ромма отыскал посланец русского вельможи, бывшего якобинца и друга Ромма, и устроил его тайный побег в Россию. Там, в необъятных владениях своего друга, Ромм, скрываясь от всех, разрабатывает планы последнего победоносного восстания санкюлотов против богачей.

Но это были лишь мечты отчаявшихся людей: императорская Россия была убежищем эмигрантов-дворян, а не «цареубийц». Гибель Жильбера Ромма была неразрывно связана с гибелью якобинской республики.